

История Государства Российского 2014

К 700-летию СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО.

Часть III: Судьба мощей преподобного после революции 1917 года

Православная страница
УСЕКНОВЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

8
стр.

СОДЕРЖАНИЕ

К 700-летию Сергия Радонежского. Часть III: Судьба мощей преподобного после революции 1917 года.....	3
Православная страница.....	8
Усекновение Главы Иоанна Предтечи.....	8
Список использованной литературы	9

Больше информации вы сможете найти на нашем официальном сайте проекта:

www.rus-history.ucoz.ru

Здесь вы найдете фотографии и картины, связанные с историей нашей страны, интересные статьи и факты, исторические документы и многое другое. Также не забудьте найти нас в социальных сетях, где мы обсуждаем самые интересные темы и события об истории Российского государства.

Сезон 2014 года на проекте «История Государства Российского» посвящен нескольким историческим годовщинам: 700-летие со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, 100-летие Первой Мировой войны.

Если у вас возникли вопросы по поводу нашего проекта или у вас есть предложения по улучшению проекта, если вы обладаете какими-нибудь старыми документами или фотографиями, пишите нам на электронную почту: istoria.russian@yandex.ru или istoria.rossii@yandex.ru.

Официальное открытие проекта состоялось 10 апреля 2010 года.

Проект официально действует на территории Москвы и Московской области Российской Федерации.

Официальные странички вы сможете найти в интернете в социальных сетях:

<http://vk.com/history.russian>

<http://www.odnoklassniki.ru/istoriyag>

История Государства Российского

Проект «История Государства Российского» © 2014

Официальный некоммерческий проект по истории России

К 700-ЛЕТИЮ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО.

ЧАСТЬ III: СУДЬБА МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

«Судьба мощей преп. Сергия после революции 1917г.» Игумен Андроник (Трубачев)

*Кандидат богословия, директор музея свящ. Павла Флоренского в Сергиевом Посаде, член
Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви
игумен Андроник (Трубачев), 2011 год*

Вскрытие мощей Преподобного Сергия Радонежского. Кадр из кинохроники.

События развивались в контексте того, что Троице-Сергиева Лавра была закрыта, как действующий монастырь. Поэтому стоял вопрос: либо все, что находится в Лавре, должно быть уничтожено, как один из вариантов, либо все это могло бы быть продано за границу, в качестве иного варианта, либо могло сгореть просто в пожарах или в иных стихийных обстоятельствах, разворовано и так далее.

Для того чтобы все это сохранить, был предусмотрен еще один вариант, который удовлетворял, с одной стороны, и государство, и, с другой стороны, я думаю, что он вполне удовлетворял в то время и Церковь: это создать на «базе» Лавры музей.

Дело в том, что история музеев, конечно, не начинается с 18-го года. Первые музеи при монастырях, при церквях, начали образовываться с самого начала существования Церкви. Обычно, это были те святыни, которые хранились в ризнице при особом режиме, при особом благоговении. Например, старые облачения, которые не выбрасывались, но хранились и служили у них один-два раза в году.

Но дело в том, что уже с середины XIX века Российское государство стало изымать многие церковные святыни древности из церковных учреждений и передавать их в государственные. Так, например, знаменитый археограф Павел Николаевич Струев объездил все российские монастыри. По сути дела, за время всех этих его экспедиций середины XIX века он обескровил все доступные ему монастыри, сполна освободив их от всех хранившихся там рукописей, в которых были летописи, службы, жития и прочее.

Вопрос о том, могли бы святыни и дальше сохраняться в монастырях, спорный, но сложилось так, что к началу XX века Церковь сама стала реализовывать собственные музеи и церковно-археологические кабинеты. Однако процесс этот, увы, был прерван революцией.

Поэтому, в 17–18-ых годах вопрос перед Церковью стоял уже так: или продолжить это музейное строительство, но только уже в новых политических условиях, или ждать долгие и долгие десятилетия, когда переменится политическая власть и возможно будет некоторую часть этих святынь вернуть Церкви, а другую часть оставить существовать в музеях уже в

новых условиях. Или же уйти, грубо говоря, в катакомбы, не интересоваться ничем и оставить все это на волю случая или стихии.

Наместник Лавры архимандрит Кронид (Любимов) и патриарх Тихон (Белавин) в отношении Лавры приняли решение согласиться с созданием комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.

Комиссия эта была государственная, но члены, которые в нее вошли, были глубоко верующими людьми. В то время, например, в неё входил отец Павел Флоренский, будучи уже в сане. Другие члены комиссии были еще миряне, но и они впоследствии приняли сан.

Скажем, отец Михаил Шик – это еврей, который принял святое крещение и стал священником в годы, когда уже начались репрессии, отец Сергей Дурьнин тоже стал священником, затем граф Юрий Александрович Олсуфьев, который здесь поселился в 17-ом году и тоже вошел в комиссию.

И был целый ряд деятелей, скажем так, больше культуры, а не Церкви. Например, реставратор Татьяна Николаевна Александрова-Дольник, которая положила основы реставрации тканей, Сергей Павлович Мансуров, который тоже стал священником – в Церковной истории тоже был замечательный педагог и исследователь, и так далее.

Эта комиссия, с одной стороны, была создана как подразделение наркомата просвещения, то есть Министерство культуры на тот период, а, с другой стороны, они взяли благословение у патриарха Тихона, имели тесную связь с отцом Кронидом для того, чтобы работать здесь по сохранению Лавры.

Более того, они добились, что в первые годы существования комиссии, когда братия уже была выселена из Лавры, 43 монаха (причем, наиболее образованных и наиболее мастеровитых) были оставлены сторожами при Лавре. И аргументировали это тем, что это единственные люди, которые согласятся, во-первых, работать бесплатно, только за еду, а, во-вторых, которые, несомненно, ничего не украдут, и будут нести свою службу.

В числе этих монахов был замечательный подвижник, помощник ризничего отец Диомид. Были и часовщики, певчие, и так далее. Поэтому в первые годы эта комиссия существовала, конечно, в очень тяжелых условиях, но в очень дружной обстановке.

И им, безусловно, приходилось сталкиваться с новой политической системой. В это время в государстве существовало несколько тенденций. Одна тенденция распространялась в область культуры: все это надо сохранить как можно лучше, больше, и всю Лавру и все близлежащие памятники сделать объектом музейного строительства. Но была и другая точка зрения, пролеткультовская, что не только Лавру, но и всю старую культуру требуется уничтожить – это церковно-помещичий быт, который противоречит основам государственного строя, и все это надлежит уничтожить. Была еще и третья точка зрения, что это надо приспособить к местному быту.

В общем, надо сказать, что возобладало нечто среднее. Местный исполком заявлял, что он нуждается в помещениях, поэтому музей всячески ужимал: в Академию, например, расселил военные электрокурсы, Трапезную приспособлял под склады и так далее, и так далее, и так далее. И чтобы спасти Лавру, комиссия вынуждена была лавировать между тремя этими точками зрения.

Сами люди представляли неоднородную массу и в городе, и в центре, и по всей стране.

В результате деятельности комиссии то громадное богатство Лавры, которое хранилось в ризнице и которое имело несколько описаний до этого – это описания XVII века, прежде всего, потом это описание 1908 года – было вновь изучено, и эти описания были восполнены новыми, уже научными описаниями: описаниями церковного серебра, икон, рукописей и книг. После они были изданы, правда очень небольшими тиражами – по сто и по пятьсот экземпляров.

Что это дало, помимо значительного шага в музейном и культурном строительстве? Это дало то, что когда начала работать комиссия, так называемый Гохран (то есть Государственное хранилище ценностей, которая из церквей и монастырей изымала ценности под видом того, что необходимо помогать голодающим Поволжья, фактически же большая часть этих ценностей была продана за границу, и ценности не пошли на помощь голодающим), всё, что было старше половины XVIII века без обсуждений оставалось в Лавре.

А были такие предложения: например, бывший петроградский священник Михаил Владимирович Галкин (Горев), который сначала был обновленцем, потом снял с себя сан, предлагал продать ризу с иконы Троицы XVI века, подсчитывая, сколько она будет стоить.

Так или иначе, конечно, Лавра много потеряла, но в основном это были потери многопудовых подсвечников, окладов XIX – начала XX века. Естественно, можно и об этом сожалеть, но основные святыни, основные памятники церковного искусства с XII по XVIII века, святыни, связанные с именами митрополита Филарета, Платона – были сохранены именно благодаря деятельности этой комиссии.

Затем эту комиссию объявили, конечно, контрреволюционной, потребовали ее разогнать, собрали в марте 20-го года новый состав комиссии. Но и туда опять вошли замечательные люди, такие как художники Соколовы, как московский художник Дервиш, который здесь жил, Свириин Алексей Николаевич, который очень много сделал в области шитья и описания рукописей.

Эта комиссия просуществовала до 25-го года. А в 25-ом году уже в полном масштабе началась деятельность самого музея, который был создан вот этими предварительными комиссиями. И до 28-го года музей был, в общем-то, одним из лучших культурных центров не только России советской, но и мира.

Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры, в котором почивают мощи преподобного Сергия

А в 28-ом году в связи с общим изменением политической линии все историко-культурные и историко-художественные музеи начинают преобразовываться. В частности, наш музей был преобразован в музей антирелигиозный.

Экспозиции изменялись, сворачивались. В 30-ом году были сброшены колокола, и до 39-го года музей находился в очень тяжелом и жалком состоянии.

В 39-ом году, когда политика Советского государства опять начинает, в виду обострения международной обстановки, изменяться, и когда стали появляться патриотические темы (тогда, как раз, если вы помните, были сняты фильмы об Александре Невском, о Суворове, о Кутузове, о Нахимове и так далее), тогда они опять из антирелигиозного перепрофилируются в историко-художественный архитектурный музей-заповедник.

И после войны начинается масштабная реставрация, которая одновременно идет с открытием Лавры. И с 50-ых и до середины 90-ых годов идет следующий процесс: с одной стороны развивается музей как культурное учреждение, со своими трудностями, в общем-то, но достаточно хорошо. С другой стороны – развивается Лавра. Конечно, между ними нарастает противостояние, поскольку общая линия была антирелигиозная.

С конца же 80-ых годов начинаются поиски вариантов совместного сотрудничества. И постепенно стороны приходят к согласию в том, что существование монастыря вместе с существованием музея возможно. Музей же может иметь и чисто церковный статус, и чисто государственный статус, и совместный и так далее – здесь все зависит от законодательства и от людей.

Но те идеи, которые заложила комиссия еще в 18-ом году о том, что сами по себе музеи и музейная деятельность, как показ древностей, которые все равно уже невозможно употреблять в современном богослужении, то есть их показ для приобщения людей к святыням и к церковной культуре и искусству, наконец, возобладали с конца 90-ых годов.

Что же удалось сделать комиссии? Помимо того, что она вообще заложила общие основы российского музееведения, она заложила основы нового понимания музейного дела. Комиссия предложила рассматривать Лавру, как живой музей, каждый предмет показывать в той среде и в той обстановке, в которой он функционирует. Ну, например, как правильно показать кадило? Ведь кадило для чего создано? Для того чтобы давать фимиам. Поэтому кадило вне фимиама, собственно говоря, невозможно исследовать по-настоящему.

Или, скажем, можно ли изучать икону? Под микроскопом или внимательно в лупу – конечно, можно, если она просто повешена на белой стене. Но функционально она должна находиться в той среде, в которой она находилась по своему назначению – в храме. То есть, это особое освещение, особое даже время суток: преимущественно утро и вечер, когда совершенно особый солнечный свет, а не тот, который бывает днем, и так далее.

Как, скажем, можно изучать церковное пение вне существования церковного хора? Как можно изучать колокольное дело вне того, чтобы колоколами звонили? Конечно, мы можем изучить металл. А распространение звона? А его звук? А его соотношение даже с погодными условиями? Даже с точки зрения науки чистой, оторванной от наших церковных интересов, каждый предмет должен действовать. И в этом его действии мы и видим, какую роль он занимает в нашей жизни.

До этого момента музееведение развивалось по-другому. Например, саркофаги фараона были вывезены из пирамид. Их привезли в Британию, выставили в музее, у нас выставили. С одной стороны – иначе бы мы их и не увидели, но с другой стороны – а какую же роль

этот саркофаг играет в системе пирамиды и как он там находится? Понять это все возможно только тогда, когда он находится в самой пирамиде.

И в этом смысле было разрушено очень много. Просто вывозили отдельный предмет откуда-то, и этот отдельный предмет вне среды, вне этой культуры, пытались просто показать.

Отец Павел Флоренский сравнивал этот процесс со следующим: вот если бы мы захотели изучить руку человека и для этого у чужого человека отрезали бы руку и стали бы ее изучать, вместо того, чтобы изучать, как она двигается в живом человеке, как действуют ее кровеносные сосуды, кости, скелет, мышечная ткань и все остальное. Настоящее изучение возможно только тогда, когда это явление или предмет живет.

В этом смысле, в теории музееведения, комиссия, конечно, сделала очень важные шаги. Также, отец Павел в письме патриарху Тихону, в котором он просил благословение на эту работу, писал, что помимо чисто культурной цели, стоит цель гораздо более важная, церковная: спасти и сохранить, донести до следующих поколений то, что может навсегда погибнуть.

Таким образом, было принято решение спасти Главу преподобного Сергия в то время, когда братия уже была выселена из Лавры, и когда возникло несколько проектов в отношении мощей преподобного Сергия. Например, один из проектов местного исполкома был вообще достаточно безумный: похоронить их на кладбище, причем на местном, как местного жителя. Был проект просто их уничтожить, был проект перевезти их в антирелигиозный музей, как, скажем, было поступлено с мощами преподобного Серафима и всякими другими мощами.

Поэтому, опасаясь, что мощи могут навсегда погибнуть, патриарх Тихон дал благословение спасти Главу преподобного Сергия, в остальном полагаясь на волю Божию.

Сохранение Честной Главы. И отец Павел вместе с графом Олсуфьевым решились на рискованную операцию: в 1920 году, после того, как мощи уже были вскрыты и выставлены на всеобщее обозрение, они сумели изъять Главу преподобного Сергия и заменить ее головой князя Трубецкого из захоронения Трубецких под Троицким собором.

Спрятали святыню сначала в доме Олсуфьевых рядом с лаврой. Потом, в 1928 году в Посаде начались массовые аресты. Олсуфьевых вовремя предупредили – они уехали, а Главу преподобного Сергия перед отъездом успели зарыть в саду. Дом опечатали. А когда полоса арестов прошла, Олсуфьевы вернулись, но поселились уже в Люберцах. Надо было вырывать Главу.

Улучив момент, Павел Голубцов, сын профессора, вместе с супругой Олсуфьева вырыли ее в саду и перенесли в Люберцы, спрятали уже там. Потом в 1937 году, как и отца Павла, графа Олсуфьева расстреляли, а в 41-ом – и его супругу, в Свияжске. Павла Голубцова в это время призывают на фронт. И он, опасаясь, что может погибнуть, а тогда вообще никто не найдет святыню, достал ее и принес своему духовнику, старцу Илариону, который служил в селе Виноградово. Это – где сейчас Долгопрудный.

Так случилось, что фронт в декабре 41-го года проходил в пяти километрах от этого места, а в самом Виноградове был штаб армии. Так что Глава преподобного Сергия оказалась на линии фронта, на передовой. Но после всех приключений, когда Лавра вновь была открыта, святыню вернули к мощам в целостности и сохранности.

День мученической смерти Крестителя Господня Иоанна в 32 году по Рождестве Христовом воспоминается Православной Церковью 11 сентября по новому стилю и называется днем Усекновения главы Иоанна Предтечи. В этот день положен строгий пост как выражение скорби христиан о насильственной смерти великого пророка.

Проповедь Иоанна Предтечи была непродолжительна. Приготовив людей к принятию Спасителя, он закончил свою жизнь мученической смертью. Вскоре после крещения Господня, Иоанн был посажен в темницу галилейским царем Иродом Антипой — сыном Ирода Великого, отдавшем приказ об избиении вифлиемских младенцев.

Иоанн обличал царя Ирода в том, что тот при жизни своего брата Филиппа женился на его жене Иродиаде. Иродиада озлобилась за это на Иоанна и просила Ирода, чтобы он убил его. Но Ирод не соглашался на это, потому что считал Иоанна великим пророком и боялся народного гнева, но в угоду ей посадил пророка в темницу. Иродиада же не удовольствовалась подобным

наказанием Иоанна. Ее раздражало, что сам Ирод с удовольствием слушал наставления пророка и во многом поступал по его словам.

В темнице св. Иоанн Предтеча провел около года. В день своего рождения Ирод устроил богатый пир, на котором перед гостями плясала Саломия, дочь Иродиады. Она так угодила этим Ироду, что он поклялся перед гостями дать ей все, чего бы она ни попросила. Саломия пошла к матери за советом. Иродиада научила дочь просить голову святого Иоанна Крестителя. Ирод опечалился: он боялся гнева Божиего за убийство пророка, но ему не хотелось при гостях изменять своему слову, и он послал воина в темницу отсечь голову Иоанну. Воин, выполнив приказание царя, принес на блюде голову Иоанна Крестителя и отдал Саломии, а та отнесла ее своей матери Иродиаде.

По преданию, голова продолжала обличать Ирода и Иродиаду. Неистовая Иродиада исколола язык пророка булавкой и закопала голову в нечистом месте. Но Иоанна, жена царского домоправителя Хузы, тайно взяла святую главу, положила в сосуд и погребла ее на Елеонской горе, в одном из поместий Ирода. Тело святого Иоанна Крестителя взяли его ученики и погребли его.

Сохранилось предание, что Божий гнев обрушился на тех, кто решился погубить пророка. Саломия переходила зимой реку Сикорис и провалилась под лед. Она висела телом в воде, а голова ее находилась надо льдом. Подобно тому, как она некогда плясала ногами по земле, теперь она, словно пляшущая, производила беспомощные движения в ледяной воде. Так она висела до тех пор, пока острый лед не перерезал ее шеи. Голову ее, отрезанную острой

льдиной, принесли Ироду и Иродиаде, как некогда принесли им голову Иоанна Предтечи, а тело ее так и не нашли. Аравийский царь Арефа в отмщение за бесчестие своей дочери — жены Ирода четверовластника — двинул свои войска против нечестивого царя и нанес ему поражение. Римский император Гай Юлий Цезарь Калигула (37—41 гг.) в гнѳе сослал Ирода вместе с Иродиадой в заточение в Галлию, а потом в Испанию. Там они были поглощены разверзшейся землей.

Через много лет после казни Иоанна Крестителя, когда земля, в которой покоился сосуд со святоу главой Предтечи, перешла в собственность благочестивого вельможи Иннокентия, этот сосуд был обретен при строительстве церкви. Иннокентий узнал о величии святыни по бывшим при этом чудесам и знамениям. Но перед своей кончиной, боясь как бы святыня не была поругана иноверцами, он снова скрыл ее в том же месте.

Прошло много лет, церковь, построенная Иннокентием, пришла в запустение. Во время правления императора Константина Великого двум инокам, пришедшим на поклонение в Иерусалим, дважды явился святой Иоанн Креститель и указал место нахождения своей честной главы. Откопав святыню, иноки положили ее в мешок из верблюжьей шерсти и отправились домой, но по дороге встретили незнакомого горшечника, которому доверили нести драгоценную ношу. Тогда горшечнику явился сам Предтеча и велел бежать от нерадивых иноков вместе с ношей. В семье горшечника честная глава хранилась и передавалась из поколения в поколение в запечатанном сосуде, пока ею не завладел священник Евстафий, зараженный ересью арианства. Пользуясь чудодейственной силой, исходившей от главы, он совратил множество людей в ересь. Когда же его кощунство открылось, он бежал, закопав святыню в пещере близ Емессы, надеясь впоследствии снова забрать ее. Но Бог этого не допустил. В пещере поселились благочестивые иноки, и возник монастырь.

В 452 году архимандриту монастыря Маркеллу святой Иоанн указал в видении место сокрытия своей главы, и она была вновь обретена. Святыню перенесли в Емессу, а затем в Константинополь. Праздник первого и второго чудесного обретения главы Иоанна Крестителя отмечается Церковью 8 марта (24 февраля ст.ст.).

Около 850 года, когда в Константинополе возникли волнения, связанные со ссылкой свяителя Иоанна Златоуста, глава святого Иоанна Крестителя была унесена в Емессу, а оттуда, во время набега сарацин, — в Команы, где была спрятана позже, во времена иконоборческих гонений. После восстановления иконопочитания Патриарху Игнатию ночью на молитве было указано место, где хранилась честная глава. Святыня снова была обретена и перенесена в придворную церковь; часть ее хранится на Афоне. Праздник третьего обретения главы святого Иоанна Предтечи — 7 июня (25 мая ст.ст.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918 – 1946 гг. Изд. Совет Русской Православной Церкви, М., 2008
- <http://www.patriarchia.ru/>